

Глава 1

Не говорите в частной беседе того, что не хотите услышать на людях.

Мисс Фортескью.

*Можно и нельзя. Руководство
для компаньонов, гувернанток,
гувернеров и нянь*

Нетерпение Бенедикта Мерсера росло с каждой секундой. Похоже, настроение четвертого герцога Гриффина вряд ли в ближайшее время улучшится, судя по тому факту, что, когда он вошел в агентство по подбору персонала мисс Мейми Фортескью, в приемной никого не было. Он снял влажную шляпу, одновременно отметив, что комната очень скудно меблирована: старый дешевый письменный стол, пара стульев... и больше почти ничего.

— Даже камин не разожгли, чтобы хоть немного согреться, — проворчал себе под нос Бенедикт, сунув шляпу под мышку и пытаясь стянуть мокрые кожаные перчатки.

Стены конторы были голыми — правда, все в дырах от гвоздей там, где раньше висели картины, зеркала, подсвечники или что-то в этом роде.

Полное отсутствие служащих вряд ли казалось удивительным, учитывая неудачи, преследовавшие Бенедикта в последнее время.

Достаточно плохо было уже то, что по городу поползли слухи: кто-то замыслил месть против его сестер, и все из-за прошлых прегрешений Бенедикта. Мало того: этим утром он получил известие, что тетка тяжело заболела и не может стать компаньонкой близняшек на время сезона, а следовательно, сопровождать их на балы и рауты. Конечно, он будет зорко приглядывать за ними, особенно по вечерам: следить, чтобы не стали жертвами шутника-авантюриста или любого другого холостяка из тех, кто желал бы поквитаться с ним, — но не может же он ездить на все дневные собрания, посетить которые взбрдет в голову этой парочке.

Не хватало еще следующие шесть недель сопровождать сестер в магазины и лавочки, а также на чай, карточные игры и ежедневные прогулки в парке. Их постоянная болтовня, визгливый смех, а иногда и ссоры способны довести до безумия, а значит, нужна компаньонка для сестер, и лучше, если это будет дама властная и с сильным характером.

Но, похоже, сегодня в этом заведении ему не помогут.

Гриффин уже повернулся к выходу, но тут из приоткрытой двери раздался женский голос. Значит, в соседней комнате кто-то есть. Вот и прекрасно! Он нетерпеливо передернул плечами. Желание поскорее покончить с раздражавшим его делом и заняться своими становилось почти нестерпимым. Приблизив-

шись к двери, Бенедикт прислушался, ожидая паузы в разговоре, чтобы объявить о своем присутствии.

— Это совершенно неприемлемо, мисс Пенни-уэйт. Вы прекрасная, очень способная гувернантка, и были таковой почти целый год. Вам следовало бы знать, как обращаться с избалованными детьми. В чем проблема?

Судя по словам и властному тону, дама была недовольна собеседницей.

— Но что же мне делать? — прозвучало так, словно девушка вот-вот расплчется. — Я старалась, но он не желает меня слушаться.

— То есть вы не можете взять в руки своего питомца.

— Я пыталась, — прогнусавила девица, — но он отказывается выполнять мои требования.

— Вы должны больше стараться, — прозвучало твердо в ответ.

Гриффин подобрался поближе к двери. Дама с напором — никакого милосердия к бедной душе, слушавшей ее наставления, — продолжила:

— Вы не должны позволять семилетнему мальчику командовать вами, мисс Пенниуэйт, даже если он считается хозяином дома и когда-нибудь станет графом. Вы обязаны взять его в руки: показать, что вы взрослый человек, воспитатель и преподаватель, довести до его сознания, что он ученик и должен прилично вести себя, как и подобает хорошо воспитанному юноше. Если потребуется, привяжите его к стулу и потом отправьте в постель голодным, без ужина.

Услышав последнюю фразу, Гриффин ошеломленно заморгал.

Собеседница воинственно настроенной дамы ахнула и шмыгнула носом, прежде чем спросить:

— Вы когда-нибудь поступали так?

— О, во имя всего святого, мисс Пенниуэйт! — раздраженно воскликнула дама. — Конечно, нет, так что не смотрите на меня с таким ужасом!

Заинтригованный, Гриффин подошел еще ближе. Похоже, это как раз то, что он искал. Ему нужна компаньонка для сестер с твердым характером и орлиным глазом, способная за милую распознать проходимца. Лучше, чтобы она оказалась высокой, ширококостной, с угрюмым лицом и смогла бы испепелить взглядом на расстоянии двадцати футов.

— Не подумайте, что я призываю вас быть недоброй и жестокой. Вы, конечно, не станете привязывать воспитанника к стулу или морить голодом, но он по одному лишь суровому взгляду и недовольному голосу должен думать, что вы на это способны.

Если эта дама и есть мисс Фортескью, Гриффин пришел по адресу. Только обладательница такой стойкости и силы духа сможет справиться с двумя избалованными сестричками, держать их в узде, а также мгновенно распознавать джентльменов, которым не терпится сквитаться с ним за пари, потрясшее весь высший свет и остальной Лондон. Похоже, во всей столице не найти человека, склонного простить и забыть нечто подобное.

Гриффин подошел к двери и увидел стоящую за письменным столом высокую даму с прекрасной

фигурой и тонкими чертами лица. Сначала он решил, что это она подверглась словесной порке, но тут дама опять заговорила, и стало понятно: она и есть хозяйка этой конторы, сильная и уверенная в себе.

— Теперь можете вскинуть подбородок и расправить плечи, мисс Пенниуэйт. Никто из тех, кто связан с моим агентством, ни в коем случае не должен заламывать руки или рыдать из-за непослушного ребенка! У вас превосходные рекомендации и прекрасные отзывы. Вы справитесь, я в этом уверена, но сначала вы должны поверить в себя.

Гриффин, не в силах оторвать от хозяйки агентства взгляд, сосредоточенно изучал ее. Прелестное лицо. Золотистые волосы уложены в строгий узел и покрыты квадратом белого кружева. Бархатное платье унылого серого цвета, с длинными рукавами и завышенной талией, которое абсолютно ей не шло. С узких плеч свисает коричневая шерстяная шаль. На вид ей не больше тридцати, но говорила она с таким видом, словно обладала опытом и мудростью дамы зрелой и много повидавшей.

Возможно, он сделал неосторожное движение, издал какой-то звук или она просто ощутила его присутствие, но, так или иначе, привлек ее внимание. Странное тепло разлилось внутри, когда их взгляды встретились. Он едва успел заметить нечто вроде потрясения или изумления в глубине ее глаз. Хоть она и скрыла все эмоции, дерзко вскинув подбородок, легчайший румянец на щеках доказывал, что все это ему не привиделось.

На мгновение она была явно поражена или смущена при виде незнакомца, не только наблюдавшего за ней, но еще и внимавшего ее смелым наставлениям. Она смотрела на него с тем же откровенным любопытством, что и он — на нее, и Гриффин понимал, что она старается уяснить, что он успел услышать.

Ничего, пусть пока гадает. Ему хотелось посмотреть, станет ли она защищать свои довольно жесткие взгляды на воспитание, и если станет, то каким образом. А дама тем временем глубоко вздохнула, словно впитывая уверенность и силу, которую проявляла с того момента, как он впервые услышал ее речи, и, откашлявшись, совершенно спокойно сказала:

— Мисс Пенниуэйт, мы продолжим этот разговор немного позже. Сейчас вы должны вернуться на место службы, но с более решительным и твердым настроем. Уверена, что у вас все прекрасно получится.

С этим напутствием дама поправила шаль, обошла стол и медленно, но уверенно направилась к Гриффину, словно хотела дать ему время рассмотреть ее прелестное лицо с белоснежной тонкой кожей, золотисто-кариими глазами в обрамлении длинных темных ресниц с тонкими, изящно очерченными бровями. Она тоже не сводила с него прямого, бескомпромиссного взгляда.

Какие чувственные у нее губы! Какой изящный маленький носик!

Непонятно почему, но ему вдруг захотелось поклониться, поцеловать кончик этого носика и прошептать: «Молодец!»

Уголки прелестного ротика слегка приподнялись в официальной улыбке. Очевидно, она давала ему понять, что все им услышанное — или неслышанное — не изменит ее отношения к нему. Такая быстрая смена поведения и позабавила его, и впечатлила. У него было такое чувство, что она не знает, насколько разоблачила себя за столь короткое время, но до поры до времени он держал свои соображения при себе.

Гриффин осознал, что его тянет к ней, да так, как давно, очень давно не тянуло ни к одной женщине, и причина явно не только в ее неброской красоте. И еще он подумал, что никакая она не мисс Мейми Фортескью: слишком молода, хоть и смотрела на него твердо и спокойно.

Пока он размышлял, она остановилась в нескольких шагах от него и, взглянув прямо в глаза, спросила:

— Вам нужна помощь?

«О да», — подумал Бенедикт, но вслух сказал:

— Возможно. Я искал мисс Мейми Фортескью.

В этот момент мимо него быстро прошла, не поднимая головы, девушка с явно заплаканным лицом — мисс Пенниуэйт, понял Гриффин.

Прежде чем ответить, она стиснула руки:

— К сожалению, она больше не работает в агентстве, хотя оно по-прежнему носит ее имя. Я мисс Эсмеральда Свифт, администратор. Изложите свои пожелания, и я попытаюсь вам помочь, мистер...

Прежде чем ответить, он сунул кожаные перчатки в карман, немного помолчал, потом представился:

— Бенедикт Мерсер, герцог Гриффин.

Глаза Эсмеральды понимающе блеснули, и она воскликнула, быстро приседая:

— Прошу прощения, ваша светлость! Не каждый день в агентство приходят герцоги.

Гриффин был готов биться об заклад, что она права. Да и он бы никогда не зашел, если бы, проходя мимо, не увидел вывеску. Все, что касалось подбора прислуги, было в ведении его всезнающего дворецкого и экономки, однако сегодня он в редком порыве рвения решил взять дело в свои руки и лично подобрать компаньонку, которая станет присматривать за его сестрами во время сезона.

С тех пор как стало известно о злополучном пари, Гриффин редко посещал балы и вечеринки, где соби­рался свет, отдавая предпочтение более спокойным ужинам в узком кругу. Теперь ему придется опять выезжать: за его сестрами нужен глаз да глаз, — так что сопровождать их по вечерам, это хоть и не слишком его прельщало, его долг и, возможно, наказание за прошлые грехи.

— Не стоит волноваться по этому поводу, мисс Свифт. Вы могли меня и не знать, но, вне всякого сомнения, слышали обо мне.

Мисс Свифт открыла было рот, словно хотела что-то сказать, но, похоже, передумала и решила воздержаться от комментариев. Можно представить, о чем она подумала: вряд ли о чем-то хорошем.

Хоть Гриффина давно перестало волновать, кто что о нем думает и говорит, острое осознание присутствия этой необыкновенно уверенной в себе женщины не давало покоя, и ее мнение ему было безразлично.

Ему хотелось узнать, что же она собиралась сказать, поэтому он добавил:

— Не стоит стесняться, мисс Свифт: мой титул не должен препятствовать вам высказывать свое мнение. Уверяю, это нисколько меня не расстроит и не изменит моего решения обратиться за помощью именно к вам.

— Правда? — спросила она с надеждой в голосе.

— Даю вам слово.

— В таком случае я готова поклясться, что каждая женщина от восьми до восьмидесяти лет в Англии, Шотландии и Уэльсе слышала про герцога Гриффина, ваша светлость, и знает о его проделках.

Вот как? Похоже, она не лишена чувства юмора, и это не может не радовать. Приятно также видеть, что ее ничуть не устрасил его титул, особенно после того как он предложил не стесняться. Слишком часто ранее при одном упоминании его титула молодые леди впадали в ступор и не знали, что ему сказать или как ответить на простой вопрос.

— Вы забыли Португалию, Францию, Испанию и, возможно, большую часть Америк, — пожал плечами Бенедикт.

Уголки ее губ изогнулись в улыбке, и это ему тоже понравилось, хотя он немного и преувеличил: «сент-джеймские повесы», как их называли, были не столь широко известны.

— Признаю ошибку, ваша светлость, но я думала, что «Еженедельному скандалисту» мисс Гоноры Труф можно доверять.

Ее осведомленность еще больше подогрела его интерес. Уверенность в себе и легкость в обращении буквально притягивали его и очень отличали ее от других.

— Не сомневаюсь, что статьи о повесах из Сент-Джеймса, напечатанные за последние недели, обогатили мисс Труф, хотя мы трое практически не появлялись в обществе вот уже несколько лет.

— Да, мне это известно... слышала.

Вот как? Слышала?

Бенедикт улыбнулся. Мисс Свифт не удастся его одурачить. Он был уверен, что она читает... нет, пожирает глазами каждую пикантную сплетню светской хроники, причем не в одной газете, а во всех сразу, как, если верить тетке, поступает половина Лондона.

— Мисс Труф, очевидно, профессионал в своем деле, — добавила мисс Свифт.

— Вне всякого сомнения. Раз уж она вспомнила эту историю, произошедшую бог знает когда, и ухитряется в своем скандальном листке упоминать кого-то из нас не менее раза, а то и двух в месяц...

— Возможно, это означает, что бывают случаи, когда ни положение, ни состояние не могут защитить от угрызений собственной совести, сколько бы времени ни прошло.

Храбрость мисс Свифт не знала границ, нужно отдать ей должное. Его симпатия к ней все возрастала.

— Очень верно сказано, мисс Свифт. Я давно понял, что не стоит и пытаться похоронить призраки прошлого.

— Согласна. Лучшее, на что можно надеяться, — это попытаться оставить скелеты в шкафу.

Он едва заметно кивнул:

— Да, и то лишь на время.

— Возможно, в этом и заключается самый большой страх каждого.

Ее ответ застал его врасплох и пробудил эмоции, которых он давно не испытывал. Гриффин обдумал сказанное, и сердце его сжалось от сострадания к ней. Значит, и в ее прошлом были сожаления, которые она тоже скрывает? Если так, то что это — эмоциональные раны или что-то еще?

Жаль, что она не высказалась яснее. Заглянув в глубину янтарно-карих глаз, Бенедикт ясно увидел непогребенных призраков, окружавших ее, и задался вопросом: неужели и она так же усердно старается похоронить своих демонов, как он — своих?

Инстинкт и в немалой степени любопытство побуждали его порасспросить ее подробнее. Ему хотелось проникнуть в ее чувства, узнать прошлое, определить, что ее беспокоит, но он не сделал ничего подобного.

Внезапно появившееся выражение беспомощности на ее прекрасном лице заставило Гриффина молчать. Не время для таких разговоров. Возможно, в другой раз. Сегодня он подавит свой странный интерес к ее прошлому и не станет ни в чем копать, как бы она ни была готова к откровенности. Он не собирался ни в кого влюбляться, хотя и был совершенно уверен: мисс Свифт пробуждает в нем гораздо больше, чем простое любопытство.

— Это возвращает нас к причине моего визита. Мне нужны услуги вашего персонала.

— Да, конечно. — Ответ прозвучал сухо и официально: вся уязвимость мгновенно исчезла, и она опять стала деловым администратором. — Пожалуйста, присаживайтесь и скажите, какая помощь вам нужна.

Гриффин остался стоять, как, впрочем, и она.

— Хотя я предпочел бы и обойтись без посещения светских мероприятий, все же, боюсь, это невозможно. Мои сестры — близнецы Вера и Сара — в этом сезоне дебютируют в свете.

— Близнецы! Какая прелесть! — не сдержала восторга мисс Свифт.

— Не уверен, что это так: по мне, это сплошная головная боль, — бросил язвительно Бенедикт.

— Потому что вы их опекун?

— Да. Вне всякого сомнения, любой здравомыслящий человек сказал бы, что меньше всего на эту роль подхожу я, но волей судьбы я стал герцогом. И в довершение всего сегодня я получил известие, что тетка, которая должна была сопровождать сестер на все сборища, заболела, так что выполнять эту миссию некому.

— Какая неприятность, ваша светлость, — спокойно отреагировала мисс Свифт.

— Вот я и решил нанять для них компаньонку.

— Что ж, вполне разумно. Хотя мы и не сможем заменить любовь и внимание вашей тети, уверена, что сумеем найти даму, способную взять на себя ее обязанности. У нас есть три опытные женщи-

ны с превосходными рекомендациями и отзывами, и любая из них сможет приступить к работе, когда вам будет угодно. Могу я назначить собеседование с вами?

В этот момент Гриффин осознал причину, по которой не может понять, что именно влечет его в мисс Свифт: дело в том, что в ней привлекает все.

«Почти все», — поправил он себя. Ему не нравился ее чересчур чопорный вид: строгая прическа, прикрытая квадратом белого кружева, и унылое серое платье.

Совершенно очевидно, что вымуштрована она идеально. Ее манеры и убежденность в том, что способна справиться с каждым, кто войдет в эту дверь, немного пугали, зато речь была безупречна, а сила воли и твердость духа вызывали восхищение. Ее осанка, манера держаться и легкость, с которой она вела беседу, заставляли думать, что ее положение в обществе куда выше, чем есть на самом деле. Очевидно, многому она научилась, пока работала в домах аристократов. Завершало ее образ великолепное чувство юмора и острый ум.

Если бы не то обстоятельство, что он решил исправиться и давно встал на путь истинный, то с легкостью поддался бы порочным чувствам, которые она в нем будила. Касаться ее атласной щеки, слышать прерывистое дыхание, когда он будет пробовать на вкус эти соблазнительные губы, вытаскивать шпильки из золотисто-каштановой массы волос и наблюдать, как они рассыпаются по округлым плечам, — восхитительное зрелище!